

появление совершенно оригинального синкретического мироощущения, которое современники удачно называли «двоеверием».²⁴

Есть основания утверждать, что в XII—XIII вв. двоеверие получило широкое распространение. Тысячи русских курганов, раскопанные как в дореволюционные, так и в советские годы, дают ценный вещественный материал о характере полухристианских, полуязыческих верований широких масс сельского населения древней Руси.

Обычай насыпать курганы, восходящий к язычеству, находился в решительном противоречии с практикой христианских захоронений.

На севере пережитки язычества сохранились дольше, чем на юге. На протяжении XI—XII вв. из ярославских и рязанских лесов непрерывной волной на юг шли языческие амулеты с коньком, украшенные солнечным знаком, медвежьи клыки, когти и т. д.²⁵

Интересными памятниками двоеверия являются змеевики, соединившие христианское и языческое начала.²⁶ Все исследователи, занимавшиеся змеевиками, единодушно отмечали, что православная церковь не признавала и запрещала их. Но, не имея, видимо, достаточно сил, чтобы полностью изъять змеевики из употребления, церковь пыталась как-то легализовать змеевики путем переосмысления изображения. Хотя происхождение изображений змей не совсем понятно, можно с уверенностью сказать, что восходят они к языческому времени. Возможно, их изображения были навеяны древними преданиями неуров о змеях, заставивших их покинуть свою родину.²⁷

По-видимому, двоеверие распространялось среди различных слоев древнерусского общества. Автор «Слова некоего христороубца и ревнителя по правой вере», составление которого Е. Голубинский относил к домонгольскому периоду, указывал, что не только «невежи», но и «вежи», даже попы и книжники творят подобные богомерзкие дела.²⁸ Это «Слово», по мнению Е. В. Аничкова, было произнесено с кафедры Софийского собора в Киеве для собравшихся на богослужение представителей знати, духовенства и других обеспеченных кругов, живших в центральной части древнерусской столицы.²⁹

В решительной борьбе с двоеверием феодальное государство и православная церковь использовали все средства идеологического и физического воздействия на полухристианскую, полуязыческую паству. От XII—

²⁴ РИБ, т. VI. Памятники древнерусского канонического права, ч. 1. Памятники XI—XV вв. Изд. 2. СПб., 1908, №№ 1, 2, 6, 7, 8 и др.; Н. М. Гальковский. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси, т. II. — Записки Московского археологического института, т. XVIII. М., 1913 (Сборник поучень); т. I, Харьков, 1916; Е. В. Аничков. Язычество и древняя Русь. — Записки Историко-филологического факультета СПб. университета, ч. CXII. СПб., 1913; А. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу, т. II. М., 1868 и др.

²⁵ Б. А. Рыбаков. Древние элементы в русском народном творчестве. — Советская этнография. М.—Л., 1948, № 1, стр. 100—106; А. А. Диндес. Древние черты в русском народном творчестве — В кн.: История культуры древней Руси, т. II. Изд. АН СССР, М.—Л., 1951, стр. 465—491.

²⁶ И. И. Толстой. О русских амулетах, называемых змеевиками. — Записки Русского археологического общества, т. III, новая серия. СПб., 1888, стр. 363—413; А. Орлов. Амулеты «змеевики» Исторического музея. — Отчеты Государственного исторического музея за 1916—1925 гг. М., 1926, прилож. V; В. Лясичевский. Некоторые змеевики в собрании Художественного отдела Государственного Русского музея. — В кн.: Материалы по русскому искусству, т. 1. Художественный отдел ГРМ Л., 1928, стр. 10—21; А. А. Диндес. Изображение змеборца в русском народном шитье. — Советская этнография. М.—Л., 1948, № 4, стр. 36—53, и др.

²⁷ Геродот, стр. 41—42.

²⁸ Н. М. Гальковский. Борьба христианства..., т. II, стр. 40—41.

²⁹ Е. В. Аничков. Язычество и древняя Русь, стр. 135.